

«Власть, территория, закон в России и некоторых
государствах Ибероамерики: проблемы теоретико-
методологического взаимодействия»

Гурьянов А.А.*

En la investigación se abre la génesis del estado y el derecho del territorio en Rusia y algunos países Iberoameriki. Se realiza el análisis comparativo del sistema estatal Ruso y Latinoamericano. Es estimada la influencia глобализационных de los procesos a las relaciones internacionales.

In the research the genesis of state and law from the territory of Russia and some countries of Ibero-America is considered. The comparative analysis of Russian and Latin American statehood is carried out. Influence of globalization processes on international relations is estimated.

Las palabras claves: el territorio, el poder, la ley, el estado, el derecho, la soberanía, la globalización.

Keywords: territory, power, law, nationalism, form of state structure, sovereignty, globalization.

Три элемента государства – власть, территория, закон, рассматриваемые с одной стороны как три самостоятельных побега, с другой – как единое целое, сущностно и предметно взаимосвязаны. Ни власть не безгранична, ни закон, как в узком, так и в широком смысле не безграничен, ни территория не безгранична.

Поэтому, когда мы хотим рассмотреть проблему соотношения, взаимосвязи власти, территории и закона, то первоначально их необходимо рассматривать через такой пункт как граница. Даже если мы пытаемся дать общие понятия, охарактеризовать или власть, или территорию, или закон, мы видим

* Гурьянов Александр Александрович – Российская Федерация, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры истории и теории государства и права Международного юридического института (г. Москва), guryanoff2010@mail.ru

здесь некие пределы, границы, в рамках которых они существуют, взаимодействуют, меняются, переживают состояние распада, кризиса или может быть полного исчезновения.

Если обратиться к современному опыту образования, существования, функционирования властных, правовых и территориальных институтов, то мы видим, что здесь возникает проблема совершенно по новому оценивать это и описывать это. То есть осуществлять современную разработку идеи динамического изменения категорий власти, территории и закона на примере различных государств.

Представления о связи между властью и территорией вырабатывались постепенно, а не родились вместе с понятием государства¹. В.И. Сергеевич справедливо подчеркивал, что в русской древности «власть» обозначало и территорию состоящую под одной властью². При оценке генезиса государства от территории, С.Н. Бабурин отмечает, что территория – это не просто особого рода пространство. Для нее характерны не только специфические пространственные критерии, но и многие другие характеристики. В их числе: размеры (общая площадь); протяженность с севера на юг и с востока на запад; компактность; географическое положение на карте мира, в том числе наличие рек и выхода к морю; численность и плотность населения, его распределение по отдельным участкам территории; климатические условия (приближенность к экватору или к одному из полюсов Земли, к морям или другим большим водоемам, нахождение в глубине или на краю континента); особенности ландшафта (горы или низменности, болота или пустыни); плодородие и другие свойства почвы; характер недр и степень их разработки; характер естественных и государственных границ (юридически оформленных или фактически существующих, надежно укрепленных или беззащитных); характер определенных территорий

¹ Вильсон В., *Государство: прошлое и настоящее конституционных учреждений* / пер. с англ.; под ред. А.С. Яценко, М., 1905, 7.

² Сергеевич В.И., *Древности русского права: В 3 т., Т. 1., Территория и население*, М., 2006, 1.

(государственные или международные, с миролюбивыми или агрессивными политическими режимами); время существования¹.

Большие размеры территории государства при его внутреннем единстве всегда увеличивали его способность к самообороне. Причем масштабность территории была всегда исторически обусловлена исходя из развития и совершенствования оружия. Малые размеры страны, как и скудность ее ресурсов, всегда предполагали преобладание оборонительного сознания в обществе, вызывали потребность в военно-политическом союзнике.

При этом, анализируя концепции идеального государства разных эпох, И.А. Исаев особо подчеркнул, что территориальная замкнутость – один из важнейших признаков идеального, или утопического государства, поскольку только она может обеспечить свободную реализацию идеальных принципов².

При этом территория – важный, но, конечно же, не единственный фактор, предопределяющий внешнюю политику. Любое внутренне слабое государство теряет контроль над своим будущим, поскольку вынуждено становиться союзником тех государств, чье влияние распространяется за пределы их собственных государственных границ³.

По мнению русского философа И.А. Ильина, Россия сложилась и возросла не в механическую сумму территорий и народностей, а в органическое единство. Такое единство, заключалось в следующем:

1. С первых же веков своего существования русский народ оказался на открытой и лишь условно делимой равнине. Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне, что прежде всего было навязано землею и предписано географически.

2. Россия есть и географический организм больших рек и удаленных морей. Среднерусская возвышенность является ее живым центром, где реки и

¹ Бабурин С.Н., *Мир империй: территория государства и мировой порядок* / С.Н. Бабурин, М.: Магистр: ИНФРА-М, 2010, 22-23.

² Исаев И.А., *Politica hermetica: скрытые аспекты власти*, 83.

³ *Земельный кодекс и национальная безопасность России. Критический анализ отдельных статей Земельного кодекса, принятого Государственной Думой в третьем чтении 22 мая 1996 г.* / общ. ред. Ф. Харрисона и Т. Роскошной, СПб., 1996, 3.

каналы связывают далекие моря друг с другом, соединяют Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом.

3. Россия – это великий и единый хозяйственный организм. Все ее части или территории связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом.

4. Русский успех тысячелетнего приспособления славянской расы опирался на антропологическую формулу: «русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности, роднящей его со всеми расами, сменявшимися друг друга до него на русской равнине, – представляет собою некую однородность, ярко выраженную в черепоизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме уклонений от центрального и среднего типа представляемой им расы»¹.

Итак, Россия – это единый живой организм: географический, стратегический, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический. Этот организм несомненно вырабатывает новую государственную организацию. И расчленение его приведет к длительному хаосу, к всеобщему распаду и разорению, а затем – к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство. Тогда уже история будет решать вопрос о том, кто из малых народов уцелеет в этом новом собирании России.

В этом контексте важна идея нации. Смысл такой категории заключается в осознании определенной самодостаточности населения на основе общих интересов и культуры. Ввод в оборот слова «нация» есть и призыв к объединению населения территории на основе каких-то общих интересов и ценностей, и оппозиции к чему-то чуждому и внешнему.

После Второй мировой войны, с образованием ООН и распадом колониальных империй, появляется новый всплеск интереса к теории наций. В это время зарождаются или развиваются все основные теории нации и нациогосударства. На протяжении последних трех-четырёх десятилетий дискуссии в научном мире в целом сводятся к спору между примордиалистами, считающими нацию и этничность природным свойством людей, и конструктивистами, полагающими нацию преимущественно социально-обусловленной и

¹ Ильин И.А., *О русском национализме*, сборник статей, М., 2007, 22.

соответственно «конструируемой»¹. Однако многим исследователям это разделение представляется весьма условным. В связи с этим нельзя не согласиться с В. Коротеевой, считающей такое разделение в значительной степени искусственным, «поскольку они вполне совместимы друг с другом»². Безусловно, эти направления должны использоваться не в противопоставлении, а во взаимодополнении.

Взаимодействие категорий власть, территория и закон часто «упирается» в проблему многонационального состава и вытекающую из него форму государственного устройства. Как показывает история, в большинстве случаев мононациональное содержание имеет тенденцию к формированию унитарного государства, а многонациональные общества, с ареалами компактного проживания национальных меньшинств, – к федеративному устройству.

В России проживает 85% русских и ни у кого не возникает сомнений, что наличие 15% национальных меньшинств, в большинстве своем проживающих компактно, обязывает нашу страну быть устроенной в соответствии с федеративными принципами³.

Кроме того, историческая традиция и актуальная политическая конъюнктура играют главенствующую роль в определении территориального устройства конкретной страны. Отсюда следует, что в своей основе федерализм – это вопрос взаимоотношений⁴. Он воплощается в конституциях и институтах, в балансе власти, территории и закона, и, в конечном счете, в традиционно сложившихся взаимосвязях индивидов.

По мнению И.А. Ильина, государственная форма вырастает в жизни народа исторически и органически, она всегда обусловлена его индивидуальными

¹ Бойко Ю.П., *Национальные государства*, М.: Издательство «Известия», 2006, 11.

² Коротеева В., *Теории национализма в зарубежных социальных науках*, М.: РГГУ, 1999.

³ Федосов П.А., *Выступление на Круглом столе «Судьба российского федерализма» 15 ноября 2000 г.* // Свободное слово. Интеллектуальная хроника 1999-2000 гг. М., 2001, 269-270.

⁴ Латинское слово «фёдус» означает договор, союз и, далее, - порядок и закон. В науке государственного права федерацией называется союз государств, основанный на договоре и учреждающих их законное, упорядоченное единение. – прим. авт.

особенностями: внешними – его размерами, его климатом, его географическими данными, его расовым племенным составом и т.д.; и внутренними – его верою, его душевными дарами, его правосознанием, его моралью и т.д. Нет и не может быть конституций, одинаково подходящих разным народам.

Далее И.А. Ильин обосновывая органическую характеристику государства, выделяет следующие основы федерации:

1. Наличие двух или нескольких самостоятельно-оформленных государств, договорившихся друг с другом о соединении в одно большое политическое «тело».

2. Оформленные государства должны быть сравнительно невелики, чтобы единое, из них вновь возникающее государство имело жизненно-политический смысл.

3. Договаривающиеся государства должны реально нуждаться друг в друге – и стратегически, и хозяйственно, и политически. Иначе федерация не сложится или не удержится.

4. Наличие в народе чувства долга, свободной лояльности, верности обязательствам и договорам, чувства собственного достоинства и чести и способности к общинному и государственному самоуправлению.

5. Искусство народа в соглашении и даре политического компромисса¹.

Разберем федерализм, как идею наиболее справедливого, сбалансированного государственного устройства в некоторых странах Латинской Америки.

По мере того как государства Южной Америки освобождались от испанского или португальского суверенитета и пытались выработать себе новую конституцию, почти везде существовали две партии: партия либералов-федералистов, желавшая подражать США, и партия консерваторов-унитаристов-централистов, понимавшая, что такое подражание приведет только к беспорядкам. Федералистические попытки были сделаны в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Коста-Рике, Мексике, Доминиканской республике и Чили. По мнению И.А. Ильина политические предпосылки для

¹ Ильин И.А., *ibid*, 60-63.

такого строя появились к XIX веку только в Аргентине и Бразилии¹. Сегодня, согласно конституционному законодательству из 23 стран Ибероамерики 5 государств относят себя к федералистическим, а именно Аргентина, Бразилия, Венесуэла, Мексика и частично Пуэрто-Рико.

Если мы хотим рассмотреть более удачный опыт федерализма в Латинской Америке, мы можем обратиться к примеру Мексики. С момента своего освобождения от испанского контроля и основания в 1824 году независимого государства оно стало федерацией. Процесс становления проходил тяжело. Страну ослабляла междоусобица в среде крупных промышленников и землевладельцев, что сопровождалось бунтами бедноты, сложными взаимоотношениями с индейцами и войнами с США. Федерализм в Мексике имел двадцатитрехлетний (1834-1857 гг.) перерыв. Одной из основных слабостей страны являлось несоблюдение в реальной жизни конституции федерации, поскольку у власти один за другим оказывались сторонники диктатуры.

К 30-м годам XX века ситуация в политической жизни страны стабилизировалась, и Мексиканские Соединенные Штаты вернулись к основам своего федеративного устройства, которые в основном сохранились, несмотря на некоторые изменения и дополнения, внесенные в принятую в 1917 году Конституцию.

Федерация управляется сверху. Малочисленные предписания Конституции относительно штатов определяют, что они должны быть республиками, основанными на принципе представительства. Должно соблюдаться определенное соотношение числа жителей Штата и их представителей в законодательных собраниях. Губернатор не назначается, а избирается населением. Компетенция субъектов Федерации определяется Конституцией, только с точки зрения того, что не входит в круг их деятельности. Этот подход сильно ограничивает области самостоятельности Штатов.

Преамбула статьи 115 пятого раздела Конституции Мексики гласит: «Штаты принимают для своего внутреннего управления республиканскую, представительную, народную форму правления; в качестве основы своего

¹ Ильин И.А., *ibid*, 56.

территориального деления и политической и административной организации они признают свободную муниципию»¹.

В статье 115 и следующей за ней статьей 116 определяется содержание и порядок действий штатов при организации управления, а также то, чего они не могут делать. Некоторые положения статей Конституции прямо начинаются с запретительных формулировок, в том числе: «Штаты ни в коем случае не могут», «Штаты также не могут без разрешения Федерального Конгресса...». В то же время разрешительные формы, например: «Штаты между собой могут устанавливать путем дружественных соглашений свои соответствующие границы» действуют лишь в случае одобрения Федеральным Конгрессом².

Централизованный характер федерализма мексиканских Штатов проявляется, например, при формализации обязанностей Центра: «Власти Федерации обязаны охранять штаты от вторжения или насилия извне. В случае восстания или внутренних беспорядков они предоставляют штатам защиту, если об этом только просят законодательные органы штата или его исполнительная власть, когда законодательный орган не заседает»³.

Схожим путем шел и продолжает идти федерализм в упомянутой выше еще одной крупной латиноамериканской стране – Бразилии. Там Конституция неоднократно менялась, но принцип доминирования центра над штатами остается неизменным.

У штатов имеются собственные конституции и законы, но они не должны противоречить федеральной конституции и федеральному закону. И структурно, и политически штаты должны быть организованы так, чтобы не было значимых отличий от общефедеральной организации.

Эти ограничения не сняла Конституционная реформа, состоявшаяся в 1969 году. В процессе реформирования за штатами были признаны любые полномочия, прямо не запрещенные Конституцией, но это не коснулось, например, полномочий на решение о форме правления. Ни один штат не может принять какую-либо форму правления, кроме республиканской. Попытка изменить что-либо в законодательстве Штата в этом направлении приведет к вмешательству

¹ Бойко Ю.П., *ibid*, 206.

² Бойко Ю.П., *idem*.

³ Бойко Ю.П., *idem*.

Федерации в порядке устранения противоречий Федеральной Конституции. Переизбрание губернаторов штатов и префектов муниципалитетов непосредственно на следующий срок также запрещено Федеральной Конституцией.

Примат Федерации над штатами в областях политики и юриспруденции проявляется и в том, что, согласно решению Федерального верховного суда, федеральные власти, в том числе президент Бразилии, могут вмешиваться в дела штатов путем издания декрета. Федеральные власти имеют право вмешиваться и в вопросы, являющиеся прерогативой штатов.

Для понимания степени централизации бразильского федерализма важно рассмотрение положений статьи 7 Конституции, которая указывает, что федеральное правительство не вмешивается в дела штатов иначе как для:

1. Поддержания национальной целостности.
2. Отражения иностранного вторжения или нападения одного штата на другой.
3. Прекращения гражданской войны.
4. Гарантии свободы деятельности властей штатов.
5. Обеспечения исполнения судебного распоряжения или решения.
6. Реорганизации финансов штата, который без наличия непреодолимой силы откладывает в течение по меньшей мере двух лет подряд исполнение своих обязательств по внешнему консолидированному долгу.
7. Обеспечение следующих принципов:
 - а) республиканской представительной формы правления;
 - б) независимости и гармоничной деятельности властей;
 - в) временного характера функций выборных органов, срок полномочий коих приравнивается к срокам полномочий соответствующих федеральных органов;
 - г) запрещения вторичного избрания на непосредственно следующий срок губернаторов или префектов;
 - д) муниципальной автономии;
 - е) периодической отчетности администрации;
 - ж) гарантии судебной власти.

Подобная централизация создает определенные помехи на пути экономического и социального прогресса как в Бразилии, так и в Мексике, тормозит их демократизацию. Вместе с тем, вспоминая печальную судьбу Югославии после смерти диктатора Б. Тито можно найти примеры, свидетельствующие о том, что излишняя децентрализация также чревата негативными последствиями, порой катастрофическими для федеративного государства.

Подытоживая некоторые теоретико-методологические проблемы взаимодействия власти, территории и закона в рассматриваемых выше государствах, можно указать на необходимость соблюдения властями стран оптимального баланса централизации и децентрализации в федеральной политике взаимодействия центра и регионов.

В таком соотношении сегодня очень важно отметить еще одну международную тенденцию. В последние годы Вестфальская система национальных государств подвергается давлению в двух аспектах: «во-первых, права человека и права нации на самоопределение противопоставляются принципам государственного суверенитета и территориальной целостности. Во-вторых, национальные государства упрекают в неспособности обеспечить эффективное управление в условиях глобализации»¹.

¹ Зорькин В., *Апология Вестфальской системы* // «Российская газета» № 4150 от 22 авг. 2006 г.